

Глава 42: Приглашение

Тем временем, во дворе, за закрытыми воротами, Матушка Пинь прижала холодное полотенце к лицу Чэнь Жуна, сдерживая слезы. Она, воспитавшая Жуна с пеленок, по сути, воспринимала того своим ребенком и хлопотала над ним, точно курица наседка над всем своим выводком. И конечно, она хотела своему красавчику только лучшее.

— Во всем виновато отсутствие Вашего отца и брата. Если бы они находились здесь, мы могли бы переехать.

— Матушка, не плачь.

— Да, я не буду плакать, я не буду плакать, - энергично закивала Матушка Пинь, роняя крупные слезы.

В это время слышались шаги, а за дверью раздался нерешительный голос Старого Шена:

— Господин?

— Что там? — услышав его, немедленно спросил Чэнь Жун. — Просто скажи, что такое, — сказал он, не ощутив никакого движения снаружи.

— Да, — передавая информацию, голос старого слуги все еще дрожал, — Хозяин Чэнь только что приказал, чтобы каждый двор распустил пятерых слуг.

— Он сказал, почему?

— Нет, господин.

— Господин, что нам теперь делать? — спросила Матушка Пинь, пока Чэнь Жун размышлял.

Чэнь Жун взглянул на нее, естественно, понимая, почему она и Старый Шен так встревожены. Сейчас у него было всего пятнадцать слуг. Все эти пятнадцать были верными людьми, служившими ему все эти годы и проделавшими с ним весь путь на юг. А еще два мастера с подмастерьями. Между ними всеми существовала сильная связь. Добраться сюда было нелегко, и теперь его вынуждали прогнать их. Без поддержки большого клана эти люди останутся бездомными и беспомощными, как только покинут дом.

— Не нужно паниковать, — сказал он, взяв полотенце и вытерев лицо.

Матушка Пинь и Старый Шен притихли, одновременно глядя на него.

— Старый Шен, пойдй, сообщи управляющему, что я больше не нуждаюсь в помощи клана в оплате содержания моих слуг. Я возьму на себя эту ответственность.

— Господин, но клан никогда не помогал нам! — воскликнула Матушка Пинь.

— Ты прав, они никогда не помогали нам. Старый Шен, если управляющий будет настаивать, скажи ему: "Наш господин говорит, что у нас еще достаточно еды, чтобы накормить этих немногих", — ухмыльнувшись пренебрежительно, сказал Чэнь Жун.

Когда он увидел, что старик никак не реагировал, Чэнь Жун вздохнул:

— Я считаю, мастер принял это решение в основном из-за отсутствия зерна и шелка в поместье. Слышал, что в настоящее время рыночная цена — две повозки шелка за пол повозки зерна в Наньняне.

— Да, да, — пришел в себя Старый Шен, — Я пойду и дам ему знать.

Слушая его торопливые шаги, Матушка Пинь тоже заулыбалась от радости.

— Вы, должно быть, один из богов, господин. Если бы Вы не купили столько еды по дороге сюда, мы бы сейчас оказались в несчастье.— Да, они были бы очень несчастны. Это был первый случай увольнения слуг в поместье Чэнь. Дом Чэнь Наньняна будет сокращать свою рабочую силу три раза, прежде чем они переживут кризис. В прошлой жизни А Жунь была сиротой-паразитом на иждивении семьи Юаня и поэтому стала главной мишенью для нападения. После шести месяцев жизни в Наньняне, рядом с его прошлой женской версией остались только Матушка Пинь и Старый Шен.

Сейчас же его свита была куда больше, плюс несколько мастеров, которые не сидели без дела и исправно работали как на него, так и на себя.

Очень скоро Старый Шен вернулся. Конечно же, после того, как управляющий услышал сказанное им, он быстро решил, что все расходы во дворе Чэнь Жуна будут на его ответственности и в будущем. Хотя все это время он и нес за них ответственность, словесное признание управляющего было равносильно огласке этого факта, что не могло не вызвать пересуды. А что знает несколько — знает весь клан.

Когда сей факт дошел до Чэнь Юаня тот только поджал губы, при том, что Чэнь Шу лишь «добродушно» усмехнулся.

— Мальчик достоин своего отца, я слышал, что он предупреждал о грядущих проблемах с провизией. И Дом Ван и Юй учли его предупреждения.

Это был камень в огород Юаня. Поскольку тот подобным не озаботился и теперь был вынужден

часть слуг отпускать на вольные хлеба. Просить помощи у старших семей он не решался, поскольку это – потеря лица. Ну да, его дочь дала пощечину мальчишке и теперь тот «хлопнул» его. В сущности, все семьи клана были самостоятельны и какие-то взаимозависимости не слишком одобрялись. И мальчишка подтвердил свою самостоятельность.

Он, конечно, подумает, что со всем этим делать... Как ни крути, но он пока что опекун вредного мальчишки. Он хотел было прижать того зависимостью, но оказалось наоборот, тот фактически ткнул в свою самостоятельность. Едва ли не публично. Цццц. Вон как насмешливо поглядывают в его сторону братья. Ну, тот же Шу в финансах вовсе не ограничен, не говоря о Гонжане. Оба вот только приняли свои торговые карваны.

После решения Чэнь Жуна, слуги, наконец, расслабились. Особенно теперь, когда они знали о напряжении из-за еды вне Дома, в течение целого дня, когда нечем было заняться, они ходили на склад и пилились на зерно, глупо улыбаясь при этом. Даже Матушка Пинь долго смотрела на две дюжины набитых доверху мешками повозок на складе. К тому времени, когда она вернулась к Чэнь Жуну, на ее лице все еще оставалась легкомысленная мечтательная улыбка.

Если бы зерно использовалось исключительно в качестве пищи, двух дюжин повозок, набитых под самую крышу, хватило бы на двадцать лет. В то время, когда все беспокоились о еде, обладание таким богатством, естественно, приносило большое удовлетворение. А ведь были еще бочки с овощами, мясом, сушеная рыба и сухие фрукты и ягоды.

Время летело.

Дом понемногу обретал каменные стены, Старик Шен договорился о доставке камня, которым обкладывали снаружи хозяйский дом.

Чэнь Жун обследовал сам старый двор, ожидаемо в старом колодце для дождевой воды нашелся тайник с парой старинных бодхи(книг). И кристаллами семени небесного коралла. Трудно сказать, чей это был тайник, слишком уж он был старым и наверняка давно заброшенным, камень, закрывающий его пришлось выковыривать не один час, так он зарос. О находке Жун не стал никому говорить, слухи распространялись слишком быстро. На взгляд Жени, этому тайнику было не меньше ста лет.

Семя он высадил в своем пространстве, подозревая что магические растения помогут ему в обретении силы.

К тому же следовало налаживать сбыт и производство товаров, чтобы стать независимыми от Чэней.

Две работницы по распоряжению Жени срочно переквалифицировались только на швейное дело, все дворовые, да и сам господин уже пообносились, ткань же была. И в достатке. Эти женщины и раньше обшивали прислугу и по мелочи выполняли ремонт верхней и нижней одежды, но теперь они полностью занимались только этим. К ним присоединились и женщины плотника, но их он не мог обязать и приказать. Их работу следовало оплачивать. Хотя бы той же тканью. Они учитывали мелкие пожелания господина, связанные с удобством ношения, Женья не собирался устраивать модных революций, но некоторые вещи его удивляли. Например, отсутствие пуговиц. Или карманов. Нет, пуговицы тут были, но использовались

исключительно как украшение или амулет, а не по своему прямому назначению. Это следовало исправить.

Женя даже не знал, какой муравейник разворошил своим выступлением на приеме. В высшем свете города он стал самой обсуждаемой фигурой, особенно среди молодых ученых. В какой-то мере «крыло» Ван Цилана все же распростерлось над ним, чего собственно, тот и добивался.

Мужчины постарше с уже многими семейными обязательствами думали о другом: все же юноша оказался весьма практичным и хозяйственным. Он сам в свои годы содержит свой двор, сам привел обоз без потерь и даже с достатком, что теперь было для всех очевидным, и не раз проявил недюжинную прозорливость во время следования с обозом. Как ни крути, но это хороший супруг в будущем. Умный, талантливый, да еще и редкий красавчик.

В принципе, никто из этой прослойки его «Песню» особенно всерьез и не воспринял, разве что учли, что тот не отрицает определенного типа союза. Что опять же, плюс и доказательство того, что мальчик разумен, понимает реалии. Поскольку некоторые младшие сыновья такую перспективу воспринимали как нечто совершенно ужасное и даже о мысли о таком бились в натуральной бабьей истерике и, по крайней мере словесно (кто бы им позволил) предпочитали выгодным партиям службу в императорской гвардии - благо такой вариант им предоставлялся.

Но в этом обществе была и еще одна прослойка, пока особенно себя не афиширующая, хотя подобное не на долго - одаренные. Пока еще их положение было спорным, большинство свои таланты предпочитало скрывать, не слишком понимая, что оно им дает. Конечно, стать небожителем соблазнительно, однако обучение магов производилось только в удаленных монастырях, и по слухам, было вовсе не легким, а весьма рискованным и наполненным тяготами. Маги ведь не только красота - но еще и могучая военная сила. Требующая обучения и, главное, использования. Маги сражались с разными демоническими порождениями эфира, рехнувшимися собратьями и другими магами. Такая участь не всем нравилась, особенно из золотой молодежи. Недели поста и медитации? Изучение практик... пффф.

Нет бы сразу встать и полететь на мече...под окошки женской половины, а лучше к купальням... Правда, все те же магические безделицы уже получили свою востребованность и популярность. Кто же откажется от согревающих, очищающих, оздоравливающих амулетов и разных пилюль, решающих многие проблемы здоровья? Что-то более серьезное было, как правило, в широком кругу недоступно, но уже поговаривали о бездонных сумках, самонаводящихся луках со сказочными взрывающимися, ледящими и прочими стрелами, невидимыми щитами, и разными уникально редкими пилюлями, вплоть до возвращающих молодость старикам и даже - о небо! Позволяющим отрастить утраченные части тел...

Конечно, препятствием для многих была даже не цена таких артефактов. А их редкость. Обученных магов было еще критически мало. И в основном те, кто были - были воинами. А гильдии еще даже зарождаться не начали. Для этого нужны были обученные маги определенных направлений. Не аристократам же над котлами и в мастерских сидеть... Они и положенных для аристократов знаний-то не могли заставить себя получить. Это императорский указ заставил многих взяться за кисть и свитки, меч и лук, начать читать и музицировать или заняться тренировками.

Все же имперский экзамен – это не так и просто.

Нужно было знать хроники империи и учения философов, хорошо уметь читать и вести беседы, считать и писать, причем не просто писать – а владеть каллиграфией, еще и рисовать... играть на лопа...кхм, цитре или ином инструменте, слагать стихи и писать деловые письма... владеть поставленной речью, уметь подсчитать расходы и доходы, сражаться с мечом и луком...верхом и в доспехе... Да столько-то непомерных сложностей для благородных детинушек! Вот и морщили лбы наследники, для которых не сдать такой экзамен было равносильно отдать свою первородность младшим братьям, да еще и пойти к кому-то младшим...Эхе-хе.

Все чаще слышались истерики в поместьях. И не только женские. Не то чтобы... но император пригрозил, что ни один ребенок, рожденный от не сдавшего экзамен, младше сорока лет, признан не будет. А это уже серьезно. Нарушался институт брака. Были и те, кто уже имел потомков и не имел свидетельства о сдаче экзамена... как брат Чэнь Жуна, например. Некоторые рода придержали дочерей, отложив свадьбы. Или срочно переиграли договоренности в пользу тех кандидатов, кто уже сдал экзамен. Плохо было и невестам, чей возраст уже приближался к критическому. Молодые девчонки наступали на пятки, и не было гарантии, что жених, которого они ожидают, сдав экзамен, не переметнется к более молоденькой кандидатке.

А тут еще и по слухам, смена самого императора и местоположения его двора, равно как и столицы. Следовательно, и комиссии. С надеждой, что молодой император отменит прежние распоряжения своего отца, уже простились, стало понятно, что не отменит. Да и сам он не слишком пока устойчив на троне. Слишком экзамены и распоряжения выгодны казне и армии. И то и другое следовало срочно пополнять.

Но где-то в сторонке уже тусовались и маги. Пока это были те, кто сам выбил себе место под солнцем. Они потихоньку набирали себе свиту из достойных. Будущие боярские рода. Или Ваны, как их тут будут называть. К аристократам они относились настороженно, если дар или уровень был невелик и пренебрежительно – если маг ощущал уверенность. Выявлению одаренных во многом поспособствовала война, заставляя сбиваться в группы с себе подобными. И природное чутье в помощь.

Но вот в благородных семействах все было иначе. Дар если и был у кого из дворянских юнцов, обычно не развивался, как у того же Улана. Не видели благородные пока в нем особо смысла – только лишние проблемы. И никто их просвещать не собирался. Впрочем, в тиши кабинетов и храмов уже начала писаться теория магии и просчитываться ее закономерности. Единственной выгодой пока было только то, что родам с одаренными император обещал особые преференции и отделение семей с одаренными в самостоятельные ветви без выплат штрафов основным родам. Но дар должен был быть подтвержден служителями Неба – то есть в храме. Про что выдавалась специальная бумага.

Пока в этом обществе еще не было принудительного отбора одаренных для обучения. Однако далеко не все вошедшие в храм оттуда выходили. Храмовым орденам были нужны свои маги. Но вот омеги – дело иное. Мало их было, мало. И те маги, что уже состоялись в этом мире, понимали их ценность, как никто другой. Инстинкт, мать его, усиленный слияниями с демоническими животными сущностями, для которых размножение было основным

инстинктом! Он заставлял искать, опекать и даже соблазнять.

А потому где-то в стороне от Дома Чэнь уже начиналось прощупывание почвы и первые сдержанные па магических брачных плясок с бубнами.

Женя же медитировал, упражнялся, читал свитки, стараясь поскорее наверстать то, что было ему доступно в прошлом мире, и пытался добавить к этому и что-то новое, благо была такая возможность. Ежедневно он развлекался позади своего двора с метательным оружием, хлыстом и луком. На все эти предметы уже были нанесены руны, пока не самые сложные, но вполне действенные. И куда более осторожно действовал в упражнениях с некоторыми атакующими и щитовыми заклинаниями. К его удовольствию, они тут тоже вполне себе нормально работали, хоть и относились к совершенно другой школе.

Затем непременно упражнялся в создании пилюль или эликсиров, в зачаровании предметов и начертании рунных печатей.

Особенно его интересовали стрелы. Если с луком все было понятно, руну самонаводки он помнил по прошлому миру, пусть даже в свое время ее совершенствовал, но она тогда была уже стандартной, но вот стрелы... они требовали нескольких, с одной стороны изолированных рун, с другой взаимно усиливающих. Активная была на наконечнике, древко давало проникающую способность, а так же могло быть полым для переноса жидкостей. Того же коктейля дикого огня! Оперение отвечало за дальность полета, точность, скорость... Удар тетивы, как и бойка в будущем, отвечал за последовательную активизацию всей цепочки рун. В Поднебесной больше были распространены именно печати- руны, собранные в замкнутый знак- иероглиф. Некоторые изначальные руны совпадали, что говорило о том, что они могут взаимодействовать. Женя хорошо знал руны своего мира, северные, западные, родные русские, и лишь малую толику современных для того времени печатей Поднебесной. Но они были уже продуктом смешанных местных и японских печатей.

В любом случае, в своем мире он был потомственным оружейником. А потому это дело было для него интересным. И порой он с удовольствием проводил время на кузне у наковальни.

Следующий день наступил в мгновение ока.

Последние два дня Чэнь Жун оставался в собственном дворе. Поскольку ему хватало дел. Он знал, что Чэнь Вэй, должно быть, в бешенстве. Но учитывая, что скучать ему было некогда, то не слишком задумывался о делах кузины. С ее характером, как она могла выносить, когда другие указывали на нее? Должно быть, она плакала, а потом пыталась объяснить им, что Жань Минь никогда не говорил, что не женится на ней, или что она никогда не издевалась над Чэнь Жуном из ревности. И чем больше она оправдывалась, тем больше и дальше шла сплетня.

Поэтому Чэнь Жун только доставит больше неприятностей, если сейчас покажется кузине. Благо он и не жаждал состоять в ее свите и заниматься всякими девчоночьими глупостями. Ему хватало забот, чтобы не скучать.

У сестрицы двор может к зиме приготовить слуги ее отца. А вот ему надо о таком заботиться самому. Тот же уголь закупить и дровишки набрать в соседнем лесу. Туда теперь за сушняком регулярно ходили его слуги. Принесенные оглобли Чэнь Жун нарезал лезвиями по вечерам на ровные чурочки. Ради найденных больших стволов ходил в лес сам и разрезал уже там. Старый Шен догадывался, но помалкивал и только молча таскал дровишки.

Вечером, когда Чэнь Жун лениво сидел в своем кабинете, практикуясь в игре на обновленной цитре, до его ушей внезапно донесся громкий голос:

— Здесь ли А Жун из дома Чэнь?

Не дожидаясь ответа Матушки Пин, ответил Старый Шен:

— Здесь.

— Я прибыл с приглашением от Ван. Пожалуйста, приходите на ужин сегодня вечером в час собаки.(7 часов вечера)

Вне себя от радости, Старый Шен рассыпался в благодарностях.

— Даже у нашего господина есть приглашение? Как замечательно.

Человек от поместья Ван хмыкнул.

— Почему Вы так пренебрежительно относитесь к себе? Все могли видеть ум вашего господина, и мы все восхищаемся им за это. Если бы он родился с более высоким статусом, его имя уже распространилось среди ученых, и он стал заметным гостем в кругу благородных господ. Даже сейчас, если мы не пригласим его в поместье, боюсь, люди будут сплетничать. Ха-ха, дай мне замолчать. Пожалуйста, напомните вашему господину прийти сегодня вовремя.

Посыльный был юмористом. Пройдя несколько шагов, он обернулся, чтобы подразнить:

— Цилан из дома Ван тоже будет там. А Жун наверняка обрадуется, увидев его, ха-ха.

Как только мужчина ушел, Старый Шен подбежал к двери и воскликнул:

— Господин, ха-ха, это приглашение из поместья Ван.

Дверь со скрипом отворилась.

На этот раз Чэнь Жун расплылся в довольной улыбке.

Старый Шен усмехнулся, увидев его таким счастливым, но мгновение спустя его лицо помрачнело. "Господин так счастлив",— подумал он,— "это потому, и из-за того, что он сможет увидеть Ван Цилана?"

Поскольку обед скоро должен был начаться, Чэнь Жун с помощью Матушки Пинь быстро принял ванну. Что касается одежды – пришлось перешерстить те расшитые ханьфу отца из Пинга, Нянюшка Пинь со служанками подогнали их под молодого господина и теперь он примерял их, хмурясь, думал, что следует дать указания на пошив и перешив одежды по местной моде. Пусть эти одежды и были классическими, но в чем-то не соответствовали его юному возрасту. Для уравнивания тяжелой расшитой верхней одежды, следовало использовать более скромную и изысканную нижнюю. А с этим были проблемы, поскольку у него была в достатке только простая белая: из тонкого полотна и шелковая. Поэтому по требованиям многослойности пришлось взять бирюзовую нижнюю одежду из присланного комплекта. С возрастом наряды становились все роскошнее и требования к ним были все выше. О чем он и сказал нянюшке, разрешив взять любой шелк для этих целей. Выбор нижних ханьфу должен был быть достаточно большим как по цвету, так и по отделке. Он прикинул, что даст рисунки простых защитных рун для орнамента, а потом напитает их силой. И тогда помимо красоты одежда будет еще и защитой.

Впрочем, нянюшка сделала уже свои выводы. Она непременно посоветуется со швеей в городе, та выполнила несколько небольших заказов и матушка Пинь осталась довольна, А теперь обшивает вместе с женщинами плотника и девушками, всех дворовых, но думается, что они вполне смогут переделать и обновить и что-то из привезенной одежды, дополнив ее, и пошить господину новую, с теми симпатичными детальками, как он хочет. А еще она сходит в местные лавки. Ах, ее господин такой красавчик, наряжать его одно удовольствие.

А Жунь в сознании жестко требовала соответствия аксессуаров и прически. С последним был напряг. Нянюшка умела делать только высокий и низкий хвост. Ладно, хоть выбор заколок и шпилек был велик.

Час настал быстро.

ЧэньЖун, который заново привел себя в порядок и надел красивую одежду, сел в шицзюй.

К тому времени, как его шицзюй выехал со двора, Чэнь Вэй и несколько девушек из соседнего дома перестали смеяться и повернулись к нему.

Глядя вслед удаляющейся повозке, Чэнь Цянь с горечью пнула землю и сказала с негодованием:

— Дом Ван несправедлив! Они сказали, что прибудут люди из дома Ван Лан'я, и приглашения оказались не всем! Хм, зачем они вообще занимались разговорами? Этот мелкий Чэнь Жун ничего не сделал, только небрежно сказал две вещи по дороге и сыграл песню, чтобы соблазнить Ван Цилана. И все же они пренебрегли законной дочерью вроде меня, чтобы пригласить кого-то вроде него?

В этот момент Чэнь Цянь обернулась и увидела пепельно-серую Чэнь Вэй. Она довольно засмеялась:

— Моя ситуация не так уж и плоха. Так что я просто не пойду на банкет. А Вэй, я слышала, что твой дорогой Господин Жань был похищен этим бесстыдным мальчишкой, не так ли? Он даже скакал в его объятиях на виду всего каравана, возвращаясь из степи! Дай угадаю, чем они там могли заниматься? Ах-ах, - она схватилась притворно за щеки.

Чэнь Вэй была не слишком рада услышать эти слова. Лицо ее покраснело, и она поспешно воскликнула:

— Это неправда! Я только что говорила, что такого не было.

И снова девушки слушали ее объяснения с понимающей улыбкой на лицах - такой отвратительной понимающей улыбкой. Чэнь Вэй даже побагровела от ярости.

<http://erolate.com/book/1285/36092>